

Коняев А. Е.

**О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ
ЯРОСЛАВСКОЙ ТЮРЬМЫ (НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОГО ТЮРЬМОВЕДЕНИЯ)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/40.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. I. С. 104-107. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Особую роль сыграла первая грамматика марийского языка, вышедшая из печати в 1775 году под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка». В книге не было указано имя автора, поэтому считалось, что ее написал казанский архиепископ Вениамин Пуцек-Григорович, один из образованнейших деятелей христианства того времени, знаток многих языков, в том числе и марийского. В «грамматике» использована русская графическая система, но с некоторыми дополнительными знаками, приспособленными для марийской фонетической системы.

В 1787 г. в Петербурге под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий» вышла первая часть многоязычного словаря П. С. Палласа (вторая часть была издана в 1789 году). В числе других в нем помещены марийские слова, полученные из ответов на вопросник, предварительно разосланный в различные места расселения марийцев.

XVIII в. – это время появления и первых текстов на марийском языке. Они были небольшими по объему и представляли в основном переводы молитв, а также тексты приветственных речей в честь различных торжеств. Часть из них осталась в рукописном виде, но три из них были напечатаны.

Первый небольшой стихотворный текст был написан в 1767 г. учеником Казанской новокрещенской школы. Стихотворение состоит всего из восьми строк, написанных на горном наречии. История его появления такова: в 1767 г. царица Екатерина II совершала большую поездку по России, в том числе намеревалась побывать в Казани. Наставники Казанской новокрещенской школы, желая получить от «заступницы» похвалу за усердие в миссионерской деятельности, заставили учащихся школы на церемонии встречи произносить торжественную речь на своих родных языках. Среди них был и марийский мальчик, имя которого осталось неизвестным, но он вошел в историю марийского народа, как автор первого незатейливого хвалебного стишка, напечатанного в 1769 г. в сборнике, посвященном церемонии встречи Екатерины II.

Второй стихотворный текст был опубликован в 1782 г. по случаю открытия Казанского наместничества. Автором его был учащийся Казанской семинарии. Его восьмистишие было написано на луговом наречии. Третий текст, напечатанный в 1795 г., посвящался тезоименитству казанского архиепископа Амвросия. Он также написан учащимся Казанской семинарии [Иванов 1996: 23].

Эти три четверостишия, написанные в разные годы, короткие, имеющие целый ряд неточностей грамматического характера, тем не менее, дороги марийцам, по словам И.Г. Иванова, «как первые образцы связной марийской речи».

Список литературы

- Васин К. К.** Дореволюционные литераторы-просветители и марийская письменность (XVIII – XIX вв.) // 200 лет марийской письменности: Материалы научной сессии. - Йошкар-Ола, 1977.
Иванов И. Г. История марийского литературного языка. - Йошкар-Ола, 1975.
Иванов И. Г. Из истории марийской письменности. - Йошкар-Ола, 1996.
История марийской литературы. - Йошкар-Ола, 1989.
Марийцы: Историко-этнографические очерки. - Йошкар-Ола, 2005.
Сергеев О. А. Роль представителей духовенства в составлении рукописных словарей и грамматик марийского языка в 18-19 вв. // Из истории развития народного образования и просветительства в Среднем Поволжье. - Йошкар-Ола, 1993.

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ ЯРОСЛАВСКОЙ ТЮРЬМЫ (НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОГО ТЮРЬМОВЕДЕНИЯ)

Коняев А. Е.

Российский государственный гуманитарный университет, филиал в г. Ярославль

Ещё в середине 80-х гг. XIX в. «был усвоен прочно тезис о важности сохранения сведений о прошлом места, где историк рождён. Провинциальные авторы, начав с пересказов увиденного и услышанного, перешли затем к анкетам, но, не удовлетворившись ими, занялись собственными сочинениями». Так появилась русская провинциальная историография. Однако долгое время «провинциальные опыты вызвали желание отодвинуться, дескать, “не наше”» [Севастьянова 1995: 3-8]. Ныне, под влиянием идей западной историографии, сам термин «краеведение» всё чаще заменяется понятием «региональная история». Под ним подразумевается направление, равное по значимости «политэкономической» и «дипломатической» истории, которым в период господства марксизма отводился приоритет. Возрастают и требования: как к качеству «местного материала», так и к рамкам краеведческой работы. «В разработке» оказываются многие темы, ранее вовсе не затрагивавшиеся.

Одним из таких новых направлений является изучение прошлого местных тюремных учреждений, «история которых сколь драматична, столь же богата, притягательна, а иногда просто невероятна». Отдельные, наиболее знаменитые, тюрьмы сыграли столь значительную роль в жизни государства, что их «история ключей проволокой пронзает историю нашей страны» [Галаншина 2007: 4]. Тюрьма – это, в известной мере, лицо государства, ибо «право как форма общественного сознания формируется целиком и полностью под влиянием конкретных социально-экономических условий. Право не только фиксирует правовые отношения,

сложившиеся в результате экономической и политической деятельности населения, но и отражает общий уровень развития общества» [Константинов, Дикселиус 1997: 9].

В рамках данного направления исторических исследований автором этих строк разрабатывается концепция истории ярославских дореволюционных тюрем, образно названная «"Экономическое чудо" за решёткой» [Коняев 2006: 103-107]. Обращаясь к историографии проблемы, мы вынуждены отметить: *историография истории ярославской тюрьмы только начинает формироваться*. Целостных исследований практически нет; приходится искать *отдельные упоминания* о тюрьмах Ярославля указанного периода в литературе по тюремному вопросу *общего* характера.

Исследуя труды по истории дореволюционных российских тюрем, созданные в советский период, отмечаем, прежде всего, их крайне ограниченный перечень.

Поистине фундаментальным исследованием стала «История царской тюрьмы» проф. М. Н. Гернета, начатая в 1930-е и опубликованная полностью в начале 1960-х гг. пятитомным изданием. Последние два тома были составлены уже после кончины учёного, по его наброскам. После этого историей дореволюционной тюрьмы (если не считать многочисленных «исторических экскурсов», рассказывающих исключительно о «зверствах» тюремной администрации по отношению к революционерам – они попали даже в биографию вдохновителя и организатора Красного террора Ф. Дзержинского [Феликс Дзержинский 1977: 87]) профессионально не занимались более 20 лет.

В 1983 г. выходит в свет книга Н.Н. Ефремовой «Министерство юстиции Российской Империи. 1802-1917 гг.». Автор отмечает, что «историкам права надлежит сосредоточить усилия для развёртывания и углубления исследований в области истории государства и права СССР досоветского периода, поскольку здесь есть заметные пробелы, которые следует восполнить». Однако методология и идейные установки исследования остаются глубоко «марксистскими» (ныне доказано: идеи Маркса были переработаны Лениным под потребности октябрьского переворота 1917 года – так возникла вольная трактовка учения Маркса, названная «марксизм-ленинизм»). Сам же Маркс утверждал, что в экономически отсталой России невозможна социалистическая революция, а также отвергал и государственный терроризм при переходе к общественной собственности на средства производства [Ерёменко 2007: 21]). «Важнейшими звеньями государственного аппарата всех эксплуататорских государств являются карательные органы – армия, полиция, тюрьмы, судебные органы, призванные выполнять задачу подавления трудящихся масс», – так Н. Н. Ефремова задаёт установку своего исследования [Ефремова 1983: 3].

Подобный методологический подход мы встречаем уже у М. Н. Гернета. При этом необходимо иметь в виду личностные характеристики учёного.

Михаил Николаевич Гернет родился в 1874 г., в семье человека, осужденного по знаменитому «делу Каракозова», что наложило отпечаток на воззрения учёного: так, посещая в 1949 г. Невскую куртину Петропавловской крепости, где в 1866 г. сидел, находясь под следствием, отец Гернета, Михаил Николаевич сказал: «Я чувствовал какое-то особое отношение к крепости. Отец боролся против режима, который поддерживался этой крепостью, а сын его дожил до счастья быть её историком, чтобы по мере сил ознакомить читателей с историей политической борьбы, которую вели несколько поколений узников Петропавловской крепости» [Герцензон 1960: 7-8]. «Ещё в дореволюционное время М.Н. Гернет являлся одним из немногих профессоров, связывавших уголовное право с классовой борьбой, стремившихся обнажить общественные корни преступности в царской России».

Тут же делается оговорка: «Однако, не стоя на марксистских позициях, М.Н. Гернет в этот период отдавал дань идеям буржуазной социологической школы и его представления о социалистическом уголовном праве были далёкими от марксистского учения о государстве и праве». И, даже став одним из первых профессоров старой школы, начавших служить большевикам, Михаил Николаевич остался верен традициям «чистого» научного познания, свободного (насколько это было возможно в тоталитарном государстве) от идеологических штампов. Уже советскому учёному Гернету «пеняли»: его труды «не безукоризненны со стороны методологической, ибо в объяснении причин преступности он всё ещё придерживается "теории факторов преступности" и тем самым оказывается далёким от раскрытия подлинных закономерностей движения преступности в СССР» [Герцензон 1960: 29].

Понять учёного нетрудно: вся его научная карьера опровергала идеологический штамп о «царских сатрапах» - тюремщиках и жандармах, стремившихся крайне жестокими мерами истребить несогласных с политикой самодержавия. Сын политкаторжанина, М. Н. Гернет не только закончил в 1897 г. Московский университет, но и остался там работать, защитив в 1905 г. магистерскую диссертацию на тему «Социальные факторы преступности» (наверное, трудно припомнить советских профессоров МГУ – «членов семьи изменника родины» и «лишенцев» при Сталине!).

Оставаясь человеком социалистических убеждений, учёный, тем не менее, написал «идеологически верную» историю дореволюционных тюремных учреждений. От Гернета мы слышим: «Тюремная политика – очень большая и важная часть уголовной политики, а эта последняя тесно и неразрывно связана со всей общей политикой государства. Классовый характер государства, политическое и экономическое состояние страны, борьба классов в ней ярко отражаются на организации всей карательной системы и, в особенности, мест лишения свободы. С этой точки зрения *история российского царизма есть история царской тюрьмы (курсив мой. – Авт.)*» [Гернет 1960: 49].

В полном соответствии с принятой в СССР трактовкой «нарастания революционного движения в период империализма», в XIX веке «в 70-х годах узниками царских тюрем становятся отдельные представители рабочего класса» [Гернет 1961: 6], а на рубеже XX века перед тюрьмой, учитывая рост числа пролетариев и их революционной сознательности, ставится задача «добиться устрашения народа путём установления в тюрьмах самого свирепого режима; физически истребить по возможности наибольшее число попавших в эти тюрьмы участников революционного движения путём систематических избиений, заключения на длительные сроки в карцеры, выдачи им недоброкачественной пищи и т.д.» [Гернет 1963: 6].

Именно в трудах М. Н. Гернета мы в первый – и в последний! – раз сталкиваемся с описанием отдельных моментов из истории дореволюционных тюрем г. Ярославля. Учёному нельзя отказать в объективности: Гернет верно подметил две основные отличительные черты ярославской тюрьмы, выделявшие её на общероссийском фоне.

Первая – положительная – заключалась в постоянном стремлении ярославской тюремной администрации обеспечить материально-техническое благополучие вверенных ей пенитенциарных учреждений. Так, учёный описывает неоднократные попытки ярославской администрации добиться от «центра» ассигнований на ремонт и строительство тюрем, предпринимавшиеся последовательно в 1800, 1815 и 1817 годах. «Некоторые из них (*местных администраций – Авт.*) с упорством, заслуживающим лучшей участи, многократно, но тщетно обращались в центр с ходатайствами о разрешении тюремного строительства. Сошлёмся для примера на ярославского губернатора. Ещё в 1800 году этот губернатор представил в Петербург планы и сметы на устройство новых тюремных зданий по городам губернии. Это его ходатайство было оставлено без всякого ответа, а тюремные здания пришли в ещё более ветхое состояние, и цены на материалы возросли. Терпение у губернатора оказалось большое, и, поскольку над ним самим не капало, а дождём поливало сквозь гнилые крыши арестантов, он возобновил своё ходатайство только через 15 лет. Он представил новые тюремные планы и новые сметы. Министр внутренних дел отказал в утверждении сметы. В октябре 1817 года были представлены новые планы и сметы. Тогда началась обычная волокита. Министр внутренних дел запросил о числе арестантов за пять лет по городам. Сведения были ему посланы и на этом дело остановилось» [Гернет 1960: 324].

Это описание требует важного дополнения и очистки от пропаганды. Например, насчёт «над ним не капало». Никакого единого ярославского губернатора в период 1800-1817 гг. не существовало. При Павле I за 4 года его правления сменилось 5 ярославских губернаторов. В частности, в 1800 году, о котором пишет Гернет, ярославской губернией успели управлять до ноября месяца М. Н. Аксаков, а со 2 ноября 1800 г. – В. П. Слудин. Вторая подача запроса о переустройстве тюрем (1815 г.) – это уже губернаторство М. Н. Голицына (1802 – январь 1817), а третья (1817 г.) – губернаторство Г. Г. Политковского (ярославский губернатор с 1 февраля 1817 г.) [Ярославские губернаторы 1998: 119-123, 142]. Так что при более внимательном взгляде видим скорее чёткую тенденцию: ярославские губернаторы последовательно пытались проводить в жизнь политику благоустройства местных тюрем «с упорством, заслуживающим лучшей участи», в этот раз М.Н. Гернет прав.

Вторая – негативная – тенденция состояла в том, что в те же годы Ярославль прославился как «образец» бесчеловечного обращения с заключёнными. Когда в 1822 г. по всей империи были введены единые по форме и весу (около 5,5 фунтов или 2,3 кг) кандалы для заключённых, ярославцы этому активно воспротивились. «Традиционные» колодки, «рогатки», дубовые колоды весом до 3 пудов, к которым заключённого приковывали короткой цепью за шею в Ярославле рассматривали прежде всего с прагматической точки зрения: они очень эффективно препятствовали побегам. Из Ярославля препирались с Петербургом долго и отчаянно: переписка с Сенатом тянулась 7 лет. По исчерпанию всех разумных аргументов была выдвинута «гениальная» идея: «ярославская губернская администрация придерживалась того мнения, что указ об отмене рогаток распространялся лишь на осужденных, а не на подсудимых». И давно ли смирительный дом стал разновидностью КПЗ? – губернская администрация о том не ведала. Сенат же в конце концов плюнул на «упёртых» ярославцев и 22 июня 1829 г. постановил: никаких санкций на губернскую администрацию не налагать, «дело считать конченным» при условии, чтобы в Ярославле «сообразовались с истинным смыслом и силой сих узаконений» [Гернет 1960: 344].

Век спустя обе отмеченные М. Н. Гернетом тенденции развились и укрепились. «Сидевшие» в Ярославской временно-каторжной тюрьме («Коровниках») политические арестанты отмечали те же отличительные особенности местного пенитенциарного учреждения. С одной стороны – исключительная жестокость. Как вспоминал политкаторжанин А. Ясюкевич, «я прошел через семь тюрем, но нигде не встречал более грубого деспотизма, как в Коровниках, это был настоящий застенок. Даже Шлиссельбургская крепость, и та не могла соперничать с Коровниками» [Ясюкевич 1923: 43]. А его «коллега по несчастью» К. Бухарин запомнил иное: «Если пересыльные тюрьмы по своему устройству, чистоте, запаху и т.п. санитарно-гигиеническим условиям могли свободно конкурировать с любой графской конюшней, то Коровницкая тюрьма, по крайней мере её одиночный корпус, в который нас посадили, смело могла бы служить первой классной гостиницей в любом губернском городе. Отменная чистота, прекрасная вентиляция, плиточный пол в коридорах, центральное отопление и многое, многое другое выгодно отличали эту построенную по последнему слову науки тюрьму от целого ряда других тюрем, разбросанных по градам и весям царской России» [Бухарин 1923: 40].

Построенный в первую очередь на богатейшем фактическом материале, труд М. Н. Гернета был и ещё очень надолго останется самым крупным и самым значительным научным исследованием по истории дореволюционной царской тюрьмы. Идеологические штампы, накладывавшиеся советской цензурой на это (как, впрочем, и любое другое) историческое сочинение, представляются лишь досадной, но незначительной погрешностью этого глубоко продуманного, детально раскрывающего основные тенденции в развитии тюремного дела царской России во всём его многообразии, исследования.

Книга Н. Н. Ефремовой в этом отношении проигрывает: в ней освещается деятельность только одного органа власти, имеющего отношение к тюрьме – министерства юстиции царской России. Несомненным плюсом исследования является глубина изучения выбранной темы: в книге, например, детально (с многочисленными примерами законопроектов и циркуляров) раскрывается политика «контрреформ» Александра III в части тюремного дела: происходит упрощение судебной процедуры, сокращается масса допускаемого «арестантского багажа», ужесточается режим содержания в тюрьмах.

Наконец, следует отметить, что единственная характеристика ярославской тюрьмы начала XX века, встречающаяся в описательной советской научно-исторической литературе (традиционно противопоставляемой мемуарам, рассматриваемым как исторический источник), обнаруживается в специальном выпуске 7-го (советского) издания энциклопедического словаря «Гранат», посвящённом биографиям деятелей русского революционного движения. Здесь, в биографическом очерке о большевике А.С. Ведерникове, читаем, что тот в начале XX в. «был опять арестован и приговорен к 6 годам каторги, которую провел в Ярославской тюрьме, известной своим исключительно жестоким режимом. В тюрьме занимался самообразованием и изучил 3 иностранных языка» [Деятели СССР 1989: 383]. Мы снова видим те же черты: с одной стороны, жестокость ярославских тюремщиков, с другой – наличие прекрасной материально-технической базы (в тюрьме была прекрасная библиотека, где имелись во множестве научные исследования и обучающие книги по иностранным языкам).

* * *

В целом, можно сказать: история региональных тюрем является одной из сфер исследования, лишь недавно попавших «в разработку» историков. Её историографию ещё только предстоит сформировать. Ныне имеется лишь возможность изучения литературы «общего» характера и выявления в ней отличительных черт деятельности региональных тюремных учреждений в сравнении с общероссийскими. Основное внимание занимающихся историей местных тюрем должно направляться на изучение источников по проблеме.

Список литературы

- Бухарин К.** Год реакции по тюрьмам // На перевале: Юбилейный выпуск к 25-летию РСДРП. - Ярославль, 1923. - С. 39-43.
- Галаншина Т. Г.** Владимирский централ. - М., 2007.
- Гернет М. Н.** История царской тюрьмы. - М., 1960. - Том 1.
- Гернет М. Н.** История царской тюрьмы. - М., 1961. - Том 3.
- Гернет М. Н.** История царской тюрьмы. - М., 1963. - Том 5.
- Герцензон А.** Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874-1953 гг.) // Гернет М. Н. История царской тюрьмы. - М., 1960. - Том 1.
- Деятели СССР и революционного движения:** Энциклопедический словарь «Гранат». - М., 1989.
- Ерёменко М. В.** Царствование Александра III. - М., 2007.
- Ефремова Н. Н.** Министерство юстиции Российской Империи 1802-1917 гг.: Историко-правовое исследование. - М., 1983.
- Константинов А., Дикселиус М.** Бандитская Россия. - М., СПб., 1997.
- Коняев А. Е.** «Экономическое чудо за решёткой». Ярославская городская тюрьма начала XX века как экономический феномен // Актуальные проблемы современной экономической науки: Сборник статей участников конференции. Ярославль, 6-7 декабря 2005 года. – Ярославль: Филиал РГГУ г. Ярославль, 2006.
- Севастьянова А. А.** Рождение региональной истории и традиции в отечественной историографии // Ярославская старина: исторический журнал. - Ярославль, 1995. - Вып. 2.
- Цвигун С. К., Соловьёв А. А., Дорошенко И. А. и др.** Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. - М., 1977.
- Ярославские губернаторы. 1777-1917. Историко-биографические очерки** / В. М. Марасанова, Г. П. Федюк / Под общ. ред. А. М. Селиванова. - Ярославль, 1998.
- Ясюкевич А.** Временно-каторжная тюрьма «Коровники» // На перевале: Издание Ярославского губернского ВКП(б). – Ярославль, 1923. - Юбилейный выпуск к 25-летию РСДРП. - С. 43-44.

ВОЗЗРЕНИЯ Б. Н. ЧИЧЕРИНА НА ОРГАНИЗАЦИЮ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Корнаухова Н. В.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Земская реформа 1864 года знаменовала появление местного самоуправления в России и одновременно подтолкнула к более подробному исследованию вопросов организации, компетенции, формах контроля за